

Епископ Михаил (Семенов)

СВЯТАЯ НИТЬ СВЯЩЕННЫХ УРОКОВ ЦЕРКВИ В НЕДЕЛИ (И СЕДМИЦЫ) ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЕ К ПОСТУ

I.

Старообрядцы гораздо более и понимают и знают свое богослужение, его чин, чем все другие исповедания. Старообрядчество усердно (конечно, говоря относительно), серьезно и внимательно хранит старый чин, верное уставу и преданиям прошлого. Здесь нет и речи о том бесчинии и безобразиях службы, которые так нередки, например, в греческой и синодской церкви.

Но нельзя при этом не признать, что сознательность по отношению к общим идеям Церкви, выраженным в последовательности недельных (то есть воскресных) воспоминаний, довольно недостаточна и слаба и в старообрядчестве, даже не в темных его частях.

И это заставляет нас провести общую нить церковных идей текущих (февральских и потом мартовских) Недель, указать постепенно растущую гамму — христианского возрастания духа в службах церковных.

В последний день января открылись так называемые приговорительные к посту Недели.

Мы видели в храме фарисея и мытаря. Фарисей стоял впереди.

Он гордо перечислял свои заслуги: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков как прочие, — воры, разбойники, прелюбодеи. Пощусь два раза в неделю, десятину отдаю бедным» и т.д.

Мытарь стоял у порога и не смел поднять глаз на небо, он повторял, бия себя в грудь: «Боже, милостив будь (ко) мне грешнику».

Мы привыкли в двух лицах притчи видеть, с одной стороны — тщеславие, гордость и лицемерие, с другой — покаянное смирение. Содержание Евангелия, однако, гораздо шире этого понимания.

В образе фарисея дан вовсе не лицемер (для этого притча не дает никаких оснований), а скорее просто обычный средний израильтянин, знающий *оправдание «законом»* и самодовольно спокойный потому, что он сделал все как написано; верен обряду и заповедям о жизнеповедении.

Фарисеи, в общем, были честны, строги в личном поведении, набожны (правда, иные не без лицемерия): они действительно исполняли формальные предписания о благотворительности.

Но эта ревность о законе не соединялась с глубокой сердечной религиозностью, с горением духа, с подлинно чуткой и широкой любовью к ближнему: они не холодны, не горячи, а теплы; точно

также и мытарь — едва ли только кающийся, только смиренный человек, сознавший грехи свои (большею частью — грех вымогательства), нет, — это, видно, человек переживший прошлое, начинающий совсем новую жизнь...

Мы знаем многих мытарей Евангелия. Они, каясь, радикально меняются в своем жизнепонимании. Вот Матфей, сидевший на лестнице. Сказал ему Господь: «Иди за Мной», — и он пошел, бросив свою казну.

Вот Закхей, готовый отдать имущество, чтобы вознаградить обиженных им.

И наверно из таких, как Матфей и Закхей, были многие, потому что, по Евангелию, Господь с мытарями ест и пьет (Луки, 15: «Приближались к Нему все мытари»).

Их покаяние не было, как мы уже сказали, случайной мольбой, случайной и преходящей вспышкой самоосуждения со словами раскаяния, — это было твердое, решительное и прочное осуждение всего прошлого жития, перелом духовного сознания, от греховного и эгоистичного, злого — к богопослушному и любящему состоянию духа.

Отсюда фарисей и мытарь одинаково дают большой урок нам.

В фарисее обличается обычный праведник, живущий «уставом», правилом в области молитвы и церковного порядка. Человек, в жизни поставивший блюсти сумму известных заповедей, вроде некоторого милосердия (дает нищим), некоторого воздержания (не пьет, не курит, не нарушает постов), но не живущий Богом человек, не близкий ко Христу, не близкий и к людям, не обнимающий их душой своей. Этих людей Господь (по откровению Иоанна) избегает, извергнет из уст Своих (Апок. 3, 15: «О, если бы ты был холоден или горяч»).

В мытаре оправдывается человек, после блуждания познавший грех и Божию правду.

Стосковавшийся о Божьей жизни, об обогащении души и начавший путь духовного восстановления по образу Христову.

Скажите, к кому ближе мы с вами: к фарисею или мытарю?

II.

Блудный сын. Трогательная история, так прекрасно иллюстрирующая церковную песнь «Душа моя, восстань, что спишь»...

Встань, душа. Близок конец. Иди к Богу и проси Его открыть тебе чертог Свой лучезарный, готовь одежду души, достойную Небесного Царствия, и проси ее у Господа.

Близок суд, торопись...

Этот призыв, содержащийся в притче о блудном, так трогателен; вся картина покаяния «блудного», который вдруг увидел, что нельзя питаться свиными рожцами, что нужна пища чистая, Божья, святая, что нельзя жить иначе как в живом общении с Отцом, *волнует душу*. Но замечаем ли мы последние слова размышлений блудного сына?

Он будет, по его словам, работником отца. Он вернулся к отцу, потому что любит его, хочет делать дело его.

Он хочет на полях отца сеять семя жизни доброй и правды Христовой. Он ждет хлеба небесного, но за святой труд крестоношения.

Урок богатый, великий.

Но рядом с ним обращали ли мы внимание на старшего брата?

Кто такой старший сын? Он послушный слуга отца. Он трудолюбив и до вечера

работает. Он не знает развлечений и удовольствий, ни разу не съел ягненка с товарищами своими...

Это — образцовый человек.

Но смотрите, каково внутреннее состояние этого человека?

Он, придя вечером домой, узнав, что вернулся погибавший брат его и в честь его устроен пир. Что он — рад? Торопится броситься на шею брата? Обнять его?

Нет: он *«не хочет войти»* (Луки 15, 28), сердце его полно завистью; он видимо боится, что часть наследия его уменьшится с возвращением брата.

В его сердце очевидно живет и «чревоугодие»: ему досадно, что и он не пировал, как брат его.

Какое море злых ощущений, болото греха — эта душа.

А мы: мы не расточаем душу как блудный, но не хуже ли мы его в умеренной чистоте, с нечистым сердцем и волею?

III.

Суд Божий близко, — говорит Церковь в Неделю мясопустную. — Торопись приготовиться к нему.

Страшный суд.

Раздается голос Церкви, призывающий к покаянию, но не слышат его люди: шум мира заглушает его.

И на самой границе времени покаяния люди точно торопятся показать, что для них «яства и питие» — высшее благо, весь смысл их жития.

Начинают масленицу.

Церковь Христова, видя, что ни образ мытаря, ни покаяние блудного сына не будят забывших Христа христиан, ударяет бичом по их совести в напоминании о великом в страшном суде, ожидающем человека.

Какая страшная картина!

Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей.

И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов.

И поставит овец по правую свою сторону, а козлов — по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира.

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня.

Был наг, я вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне».

Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили?»

Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели?»

Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?»

И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его:

Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня.

Был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Тогда они скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?»

Тогда скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне». И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную. Казалось бы, что самая темная совесть должна проснуться перед этим изображением милостивого и грозного суда над нами, над нашим прошлым.

Подумайте: на этом суде раскроется перед нами вся наша грешная и прокаженная жизнь.

Каждое наше злое слово, каждая нечистая мысль, каждое недоброе дело, по словам св. Василия, откроются нам на скрижалях совести, проснувшейся в страшный час.

И окружают нас живые образы всех тех, которых обидели мы в путях жизни; всех, кто по нашей вине пролил жгучую слезинку обиды; всех, кому мы взглядом, словом или делом нанесли рану в душе его.

Всякий обиженный, всякий нищий, напрасно тянувший к нам руку; всякий гибнувший на наших глазах в жестокой яме жизни (от нищеты, преступления или религиозного падения, неверия) предстанет перед нами как судия и обвинитель.

И мы увидим себя в зеркале Господнем тогда в настоящем образе — прокаженном и безобразном.

Что муки Грозного, окружаемого привидениями, леди Макбет, не могущей отмыть кровь убийства с своих рук?!

Они — ничто перед ужасом увидеть себя с клеймом Иуды и Каина перед престолом грозного Судии.

А этот ужас неизбежен для нас потому, что каждый из нас «покрыт проказой от пят до головы».

Когда некто Г. в одной мудрой английской повести в «чудесном портрете», отражающем, записывающем каждое злое движение жизни, увидел *себя*, то человек этот не мог *вынести ужаса своего образа* и умер у чудесной картины. А он не был ни убийцей, ни вором, ни разбойником.

И вот, то страшное, что в последнем ужасе мы увидим «там», в великий день, показывается уже в ярком свете здесь в образах суда Божия, в сегодняшнем Евангелии.

И что же? Пробуждает ли вас этот любящий, но грозный зов?

Едва ли...

Святая Евдокия, св. Моисей Мурин и многие другие, жившие в полном мраке язычества, услыша только «краем уха» слово о суде, бросали все, отрекались от всего своего прошлого для того, чтобы стереть ужас греха.

Христиане точно не замечают, что открывает им Евангелие, не отзываются ни на угрозы Церкви, ни на ее скорбь и молитву и идут к определенной цели — гибели в вечной тьме.

Мы не можем принять Христа потому, что в плену у мира.

Мы силой отгоняем «святые голоса», чтобы не почувствовать себя в необходимости

предпочесть Бога миру, в необходимости отречься от сладости греха. Это и понятно.

Хорошо об этом говорит блаженный Августин:

«Привычка получила большую власть надо мной, так как я без сопротивления шел туда, куда я вовсе не хотел идти. Еще прикованный к земле, я отказывался перейти всецело на Твою сторону, о Боже! *Я боялся быть освобожденным от бремени всех моих цепей в то время, как мне следовало бы опасаться быть раздавленным их тяжестью.* Я уподобился человеку, который хочет проснуться, но, одолеваемый сном, скоро опять засыпает. Не давая

себе проснуться, он, хотя и не одобряет своей сонливости, но допускает ее торжествовать. Так же и я, хотя и был убежден, что лучше отдаться Твоей любви, чем моей слабости, допускал торжествовать последнюю потому, что она мне нравилась и держала меня в оковах. На Твой призыв: «Пробудись, спящий!» — я не мог ответить иначе, чем ленивыми и сонными словами: «Сейчас! Через одну минуту! Еще одной отсрочки!» Но этим «сейчас» не предвиделось конца, и минута отсрочки продолжалась бесконечно, *потому что я боялся, как бы Ты не призвал меня слишком скоро, как бы слишком скоро не исцелил меня от моего вождения, которое мне приятнее было насытить, чем подавить...* Какими жгучими словами бичевал я мою душу!.. Она отступала, она пряталась, не будучи в силах найти для себя оправдания... Я говорил себе: «Вперед. Пора уже». И действием, сопровождавшим слово, я приближался к избранному мною пути. Я почти совершал то, что хотел, но не мог совершить до

конца. Я делал новое усилие, я подходил немного ближе, еще немного ближе; я почти приближался к цели, готов был коснуться ее; и не подходил, не достигал, не касался; я не решался умереть для смерти, чтобы жить для жизни. Коренившееся во мне зло имело больше власти надо мною, чем лучшая жизнь, которой я еще не испытал».

Разве это не наше состояние?

Но как можно разумному существу сознательно идти к гибели?

Августин, сознавший, что это «нельзя», в конце концов отдался Господу. А мы, так любящие чин церковный, так по видимому отзывчиво внимающие Христову голосу, или голосу Андрея Критского в его покаянном каноне и Ефрему Сирину, не уходим ли на другой день после самой речи о страшном суде в прежнюю тьму?!

Не должно этого быть: такое отношение к зовам Церкви есть издевательство над ней и Господом.

С Недели мясопустной мы почти уже вступаем в Пост, но мы из этой седмицы святых размышлений и молитвы делаем языческое беснование.

Зачем?

Наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе в нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился; итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиروваниям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти, но облечемся в Господа Иисуса Христа, и попечения о плоти не превратим в похоти... (Рим. 18, 11-14).

Так зовет нас Апостол Прощеного воскресенья.

«Проснитесь», — говорит Церковь в последнюю Неделю перед Постом.

Ночь греха окончилась с приходом Господа, с Его спасающей смертью; зачем бродите во тьме, спотыкаясь и падая, а не хотите жить в свете Христовом, в Его ясных и светлых путях?

Вот завтра память одного скомороха. Ходил он по улицам, забавлял людей пустыми словами, грязными шутками.

Но зашел он случайно в храм, слышит здесь рассказ о Суде страшном.

«Покайтесь, приблизилось Царство Божие», — говорит Церковь. И душа его сразу пошла за Христом, прозревшая, обрадованная.

Вижу, Господи, путь мой... Помоги... Помилуй мя... Дай мне, да прозрю окончательно и навсегда.

Вот эти слова: «Господи... Хочу, да прозрю» — да будут нашей молитвой.

Вавила исполнил требование сегодняшнего Апостола, он «отверг тьму и облекся в оружия света».

Отверг все заблуждения и увлечения вчерашнего грешного дня для святого сегодня.

И лучи Христова света проникли в его душу, забила ключом в ней жизнь, сияет обновленная душа; сильная, светлая и могучая, победила она дряблую плоть, одухотворила все его существо и приблизила его в Источнику жизни и счастья, Господу Иисусу Христу.

В древнем Риме носить оружие позволялось только благородному сословию, а поэтому Апостол, говоря нам: «облечемся в оружия света», — указывает, что и мы, будучи, подобно благородному римскому сословию, родом избранным, сынами света (I Петр. 2, 9), должны также иметь при себе оружие, но оружие достойное звания ученика Христова, оружие христианской добродетели.

Как воины вещественным оружием поражают врага, так и мы, воины Христа, должны оружием света Христова, Его правды и истины поражать и злобу и тьму, царящие в мире, и водрузить любовь и царство Божие на земле.

Вавила принял святое оружие, он услышал проповедь Церкви о днях покаяния, скорби и *новой жизни*.

Главное — *новой жизни*.

Мы можем поплакать о наших грехах в посте, можем помолиться даже хорошо и искренно, но разве это — все?

Разве это — главное?

Если жизнь все-таки к добру не движется, если она остается по-прежнему греховной, что пользы в наших молитвах, даже в наших слезах покаяния?

Нынешнее Евангелие указывает нам, что молитва даже невозможна, греховна без изменения жизни.

Нужно прощать грехи ближних: без прощения нет спасения, нельзя принести жертву в алтарь.

«Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14-16).

Но что такое «прощение» на языке Церкви?

«Обряд» примирения, оставшийся у нас от старины... Прощение — прекращение вражды по поводу старой ссоры, или недавней обиды?

Нет, не это только. Прощение — суть христианства, это есть *изменение всего понимания жизни*.

Разве мы во вражде только с А., или Б., или В., с этим, другим, третьим человеком? Нет, такой вражды-ссоры у нас может и совсем не быть. Но в то же время мы — враги всем.

Христос простил людям грехи их. В чем состояло это прощение? Он принял на Себя грехи мира, и за них потерпел Крест и смерть.

Так должны прощать и мы.

Вот скорбный нищий, несчастный человек, может быть постоянно голодный с семьей своей; он просит помиловать его, спасти; мы не замечаем его, мы проходим мимо. А ведь это — *брат наш*. У нас нет братского отклика на его душу, нет любви, значит вражда диавола владеет нашей душой: в сущности мы не любим ближнего, а ненавидим его. Иначе мы его горе считали бы своим, его тягость — своей тяготой, мы считали бы его несчастье *нашей виной* и отдали бы все, даже жизнь, чтобы спасти его.

Мы этого не делаем. Значит, состоим с ним в ненависти. Это — учение Евангелия, апостола Павла и святых.

Мы *всем* повинны (т.е. по-русски — должны) любовью. Если ее нет, мы не можем быть прощены, потому что не платим долга своего.

Если мы видим человека гибнущего духовно и ничего не делаем для него, явно, что мы ему не друг, а враг. И вражда — корень нашей жизни.

Кто хочет победить диавола, свергнуть грех, вернуться к Богу, должен посеять в душе семена любви, всеобщего прощения, начать жизнь в службе всем, всех милуя в чувстве виновности за зло и темноту мира. Повторяем:

Прощение больше, чем примирение с врагами, потому что и «брат» и «ближний» в христианстве — понятия, которые обнимают не только тех, с кем мы сталкиваемся, встречаемся, имеем связи, а всех людей без исключения. Кто прощает, тот любит. Кого простил человек искренно, по Христову, тот его друг, брат любимый, тот «едина душа с прощенным во Христе Исусе».

Церковь желает, чтобы *таинство прощения* распростиралось на всех, чтобы мы перед всеми поняли вину свою, вину скудной любви, и приняли всех в сердце свое.

Прощать значит — любить.

И смысл Поста грядущего главным образом в том, чтобы научить нас прощать всех, как прощал Христос, взявший на Себя вину всего мира и отдавший чистую кровь Свою за всех. Без такового «прощения любви» не начинается пост, и если его нет в нас в действительно-христианской мере сейчас, то сегодня нужно положить зерно-семя этого прощения, чтобы живая вода поста прорастила это семя в плодоносное дерево».

Епископ Михаил.

Ж. Старообрядческая мысль. 1916 №2 С.81-89.